

Кучинская Татьяна Николаевна

РОССИЯ И КИТАЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье представлены основные характеристики социокультурного пространства Северо-Восточной Азии (СВА), анализируется роль РФ и КНР в регионе. Значительное внимание в статье автор уделяет китайской "мягкой силе" как одному из механизмов эффективной интеграции в социокультурное пространство СВА, на практике реализующемуся посредством интенсивного развития внутренних приграничных регионов Северо-Востока КНР.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 121-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323+130.2(510)

В статье представлены основные характеристики социокультурного пространства Северо-Восточной Азии (СВА), анализируется роль РФ и КНР в регионе. Значительное внимание в статье автор уделяет китайской «мягкой силе» как одному из механизмов эффективной интеграции в социокультурное пространство СВА, на практике реализующемуся посредством интенсивного развития внутренних приграничных регионов Северо-Востока КНР.

Ключевые слова и фразы: социокультурное пространство; Северо-Восточная Азия; Северо-Восточный регион КНР; восточные приграничные регионы РФ.

Татьяна Николаевна Кучинская, к. полит. н., доцент
Кафедра востоковедения
Забайкальский государственный университет
kuchinskaya_t@mail.ru

РОССИЯ И КИТАЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ[©]

В условиях глобализирующегося развития современной мировой системы геополитический фактор уступает место геокультурной стратегии, основным инструментом которой становится контроль за пространствами ненасильственными методами. Современное пространство мира утрачивает прежнюю фрагментарность, локальную замкнутость, становясь общедоступным. Государственно-центрическая парадигма локального развития сменяется региональными и глобальными парадигмами интеграции. Смена парадигмы актуализирует поиск инновационных форм интеграции на основе геокультурных стратегий.

Базовыми категориями и понятиями миросистемного и регионального моделирования в сфере гуманитарного знания считаются культура, геокультура, социокультурное пространство, геокультурное поле и их научные образы. Геокультура – это одно из универсальных понятий современного гуманитарного знания. Впервые это понятие было введено в научный оборот в трудах И. Валлерстайна [13]. Применение понятия «геокультура» с целью пространственного моделирования мира создает альтернативный (неполитический, неэкономический, неэтнический и т.д.) образ глобального мироустройства, способный оказать решающее влияние на выбор пути мировой интеграции на основе принципов мультикультурализма и межкультурного диалога. Геокультурный образ выявляет рельеф культуры, одновременно представляя собой культуру в её высшем проявлении [3, с. 43].

Регион Северо-Восточной Азии (СВА) является очень сложным образованием как в социально-политическом, так и социокультурном плане ввиду гетерогенности культурного ландшафта территории, охватывающей государства, относящиеся к различным культурно-цивилизационным системам.

Первая трудность связана с проблемой определения границ региона. В работах отечественных исследователей под СВА понимается региональная система, включающая в себя КНР (в том числе Тайвань), Японию, Республику Корея, Россию, КНДР и Монголию. При этом Китай, Япония и обе Кореи часто рассматриваются как географическое, историческое и культурное «ядро» региона [8]. Россия, прежде всего в силу обладания дальневосточными и восточносибирскими территориями, тоже является частью региона. США географически находятся за пределами региона, хотя и в непосредственном соседстве с ним (Аляска, Гавайи, о. Гуам). Однако они глубоко вовлечены в политические и экономические дела СВА, располагают здесь значительным военным присутствием. Таким образом, имеются значительные основания для признания принадлежности США к СВА.

В настоящее время СВА включает территорию общей площадью суши 8,28 млн км² (19% всей площади суши в Азии) и общей численностью населения 290 млн чел. (10% численности населения Азии). Как показывает анализ возможностей стран этого региона, наиболее богатыми природными ресурсами располагает Дальний Восток (уголь, лес, водные ресурсы, цветные металлы и др.), затем идут КНР (сельскохозяйственные ресурсы, нефть, лес) и КНДР (уголь и черные металлы). В то же время Япония и Южная Корея располагают высокоразвитой тяжелой промышленностью и техноёмкими отраслями производства, КНР и КНДР – легкой промышленностью и сельским хозяйством. При этом Япония и Республика Корея обладают капиталами и интеллектуально высококвалифицированными трудовыми ресурсами, специалистами в сфере управления, а КНР – избытком рабочей силы. Кроме того, следует особо отметить, что российский Дальний Восток имеет мощный научный потенциал. Не следует также забывать, что за территориями, входящими в состав СВА, стоят государства с численностью населения более 1,5 млрд чел. [11, с. 75].

По мнению В. Дергачева, регион СВА включает российский Дальний Восток от Байкала, северо-восточные провинции Китая, Японию и два корейских государства. Согласно геополитической теории Больших многомерных пространств [2], на рубежах евразийских цивилизаций самый восточный геополитический узел локализуется в пограничных регионах российского Дальнего Востока и Китая (историческая область Маньчжурия), а также Кореи. Здесь, как и на Балканах и Афганистане рождается рубежное энергоизбыточное напряжение с производительной или разрушительной силой коммуникации. Этот геополитический

узел расположен на рубежах пяти «Великих геосферных океанов» – Тихого (гидросфера), Великой Евразийской степи и Сибирской тайги (биосфера), Сибирского антициклона (атмосфера), китайского и российского суперэтносов (этносфера), Азиатско-Тихоокеанского социально-экономического пространства (социосфера). Эта уникальная рубежная коммуникативность создает высокую энергетику многомерного пространства, в котором с раннего средневековья неоднократно сталкивалась военно-политическая и экономическая мощь основных региональных геополитических игроков.

На рубеже XX–XXI вв. Азия переживает сложную цивилизационную трансформацию. С одной стороны, в регионе продолжается процесс взаимовлияния и взаимообогащения культур. С другой – во многих странах растет, нередко как ответ на вызовы глобализации, тяга к сохранению и укреплению национальной идентичности. Это стремление ведет, в свою очередь, к усилению национального самосознания и росту национализма. Как следствие, индивидуализм, личный и местный эгоизм, этнические амбиции, исторические обиды и религиозные предубеждения нередко доминируют над стремлением к миру и взаимному процветанию.

Геополитическое пространство СВА превратилось за последние полвека в важный субъект мировой политики. При этом социокультурное пространство СВА формируется под воздействием ряда факторов, которые потенциально порождают геополитическое соперничество и значительно сдерживают межкультурный диалог в регионе. К таковым факторам относят следующие.

Во-первых, дефицит взаимного доверия. В странах СВА преобладает неадекватное и преимущественно негативное восприятие своих соседей по региону. Такое восприятие обусловлено не только разностью культур, социально-политических систем, экономических моделей развития, но и в значительной степени опытом двустороннего взаимодействия, который, особенно в последние 150 лет, дает больше оснований для проявлений подозрительности и вражды, чем для выражения дружбы и доверия. Историческая память всегда была одним из ключевых компонентов общественного сознания жителей Восточной Азии. Взаимное недоверие между государствами СВА не раз провоцировало конфликты в прошлом, является источником напряженности в настоящем и ставит под угрозу будущее региона [6]. Входящие в СВА государства разделены значительными различиями (культурными, этнонациональными, языковыми, экономическими, политическими). Пока эти барьеры не будут уменьшены, странам СВА будет сложно находить общий язык и доверять друг другу.

Во-вторых, наличие в СВА исторических обид и травм (прежде всего между Японией и Китаем, Японией и Кореей, в какой-то степени – Россией и Японией, Китаем и Россией).

В-третьих, большое значение имеет структура региональной системы. СВА – единственный в своем роде регион, в котором большинство государств претендуют на статус великой державы и отличаются повышенной амбициозностью.

В-четвертых, ключевые государства СВА (Китай, Япония и обе Кореи) характеризуются высокой интенсивностью националистических настроений. Будучи древними цивилизациями, Китай, обе Кореи и Япония еще относительно молоды как современные нации-государства. Западная модель нации-государства начала утверждаться в странах СВА лишь со второй половины девятнадцатого века. В международных отношениях в СВА негосударственные образования играют минимальную роль. У государств в регионе, по сути, нет конкурентов. СВА в своем нынешнем виде – это международная система государств классического вестфальского типа [8].

Однако баланс геополитических сил в СВА постоянно изменяется. На фоне слабющих США и России Япония, Китай и Южная Корея (вторая, третья и одиннадцатая экономики мира) проводят более независимую внешнюю политику, исходя из региональных интересов. Южная Корея наращивает внешнеторговый оборот с Китаем и осуществляет более мягкую политику в отношении Северной Кореи. В связи с нарастанием экономической мощи Китая ослабли позиции Японии в СВА. Сегодня Пекин становится основным источником финансовой помощи многим азиатским странам. В региональной трансформации отмечается растущая интеграция Китая, Японии и Южной Кореи.

СВА не является однородным культурно-цивилизационным и экономико-политическим субрегионом. Это сложное во всех аспектах образование. По мнению П. А. Минакира, на сегодняшний день можно сказать, что в СВА произошла дефрагментация на две части. С одной стороны – «большая тройка» (Япония, Китай, Республика Корея), а с другой – Россия с её Дальним Востоком, Монголия и КНДР – «размытая периферия» [9] (Рис. 1).

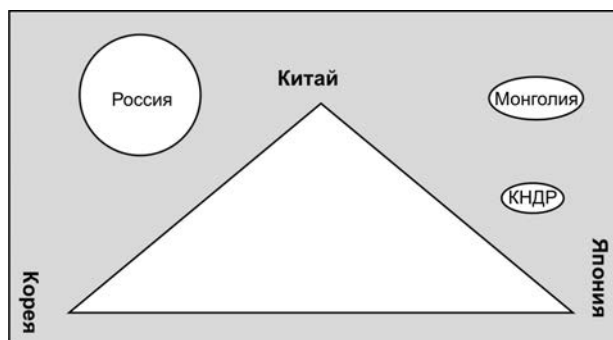

Рис. 1. «Кооперационная геометрия» в Северо-Восточной Азии

В последние годы наблюдается возвышение роли Китая в СВА в связи с активным воздействием быстрорастущей китайской экономики на развитие стран региона. Китай стал одной из основных сил, способствующих развитию и углублению интеграционных процессов в регионе СВА [10].

Утвердившийся на Западе подход, что выдвигание нового сильного игрока автоматически обостряет региональную безопасность, меняя баланс сил, рисует для Китая не очень радужные перспективы. В рамках данной теории КНР обречена на столкновение с Японией и Южной Кореей.

Однако подобная западная методика в китайском варианте, по мнению С. Лузянина, представляется несколько искусственной и механически проецирует модели конфликтности на восточноазиатскую региональную почву [7, с. 66]. В случае с Китаем, скорее всего, может сработать мягкая адаптационная модель, в рамках именуемой сегодня в КНР известной теории «гармоничного мира». В условиях трансформации Китая в «ответственную великую державу», КНР будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного восхождения нации при сохранении стабильности регионального пространства. Специфика китайской региональной (как и глобальной) политики, как известно, – неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития [Там же]. Внешняя стратегия КНР подчинена основному ценностному принципу «мягкой силы» – «гармонии мира». Руководство КНР стремится вывести «мягкую силу» на её инструментальный уровень, аналогично влиянию американской и японской «мягкой силы». По мнению В. А. Абрамова, достоинством и преимуществом китайской «мягкой силы» уже сегодня является то, что наряду с намерением мягко расширить социокультурное пространство, Китай стремится создать гармоничные, принципиально неконфронтационные отношения с другими цивилизациями. Это, безусловно, повышает глобальную и региональную роль Китая, способствует укреплению и распространению привлекательности его «мягкой силы» [1, с. 152].

Социально-экономические и политические механизмы стимулирования развития внутренних регионов Северо-Востока КНР с целью более эффективной интеграции в субрегион СВА Азии, на наш взгляд, являются одним из ярких примеров практической реализации ценностно-идеологического принципа единства внутреннего и внешнего развития и демонстрации роли экономических рычагов как инструмента китайской «мягкой силы» в регионе. В последние годы руководством КНР уделяется пристальное внимание развитию Северо-Восточного региона, непосредственно входящего в субрегион СВА.

Северо-Восточный регион КНР, включающий провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и восточную часть Автономного региона, Внутреннюю Монголию (городской округ Чифэн, аймак Хинган, городской округ Тунляо, аймак Шилингол и городской округ Хулунбуир), – один из приграничных регионов страны, так называемый «центр Северо-Восточной Азии», граничащий с четырьмя иностранными государствами (Россией, Монголией, КНДР и Японией) и потенциально способный оказывать влияние на развитие межрегиональных связей и ситуацию, складывающуюся в регионе в целом.

Для решения существующих проблем в регионе в ноябре 2002 г. после 16 съезда ЦК КПК руководством КНР была сформулирована Стратегия возрождения старопромышленных баз Северо-Востока Китая (东北地区等老工业基地振兴战略). В октябре 2003 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва было принято решение о стимулировании развития провинций Северо-Востока КНР, и обнародован «План возрождения старых промышленных баз Северо-Восточных провинций», в начале 2004 г. при Госсовете КНР учреждена Канцелярия руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая, а в 2007 г. был принят «План возрождения Северо-Восточного Китая» (中国东北振兴计划), рассчитанный на 11-ю пятилетку (до 2010 г.) [12].

Реализуемый с 2003 г. правительством КНР «План возрождения Северо-Восточного Китая» призван ускорить социально-экономическое развитие региона. При этом основные положения данного плана будут определять направления развития Северо-Восточного региона КНР вплоть до 2020 г. [4]. Предусмотренные Планом мероприятия преследуют достаточно широкие цели. Первоначально речь шла о реконструкции и переоснащении современным оборудованием «старых промышленных баз», большинство предприятий которых были построены в 1950-е гг. XX в. при участии СССР. Однако к настоящему времени сам План стал составной частью механизма решения более общей задачи по всестороннему развитию региона и углублению политики открытости.

В качестве целевых установок возрождения региона в течение 11-й пятилетки провозглашены: модернизация «социальной рыночной экономики», поддержание быстрого и устойчивого роста, реструктуризация государственного сектора, повышение степени открытости приграничных регионов, реструктуризация экономики на основе ускоренного развития сектора услуг, повышение конкурентоспособности предприятий Северо-Востока КНР, развитие природоохранной деятельности и внедрение ресурсосберегающих технологий; развитие социальной сферы: образование, медицина, культура, спорт и т.д.

Согласно Плану, к концу 11-й пятилетки планируется достижение следующих целей в области экономического и социального развития в Северо-Восточном Китае:

- стремительный экономический рост, основанный на принципах «научного развития» и «экономики знаний»; структурная реорганизация экономики региона; повышение эффективности и общее снижение энергозатратности; удвоение ВРП на душу населения к 2010 г. по отношению к показателю 2002 г.;

- значительное увеличение доли региональной промышленности в ВВП страны; рост негосударственного сектора в ВРП; рост числа конкурентоспособных на международном уровне отечественных компаний с независимыми правами интеллектуальной собственности и известных брендов как часть инновационного потенциала региона;

- создание мощного потенциала устойчивого развития региона; улучшение эффективности использования ресурсов и снижение воздействия на окружающую среду; снижение уровня загрязнения воздуха и воды в районах, расположенных вдоль рек Ляо и Сунгари; охрана морской экологической среды;

- стимулирование социального развития путем улучшения качества государственных услуг в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении; снижение числа бедного населения; улучшение ситуации в сфере общественной безопасности и охраны труда; стимулирование строительства новой социалистической деревни; рост среднедушевых доходов сельских жителей по отношению к доходам городского населения; сохранение уровня безработицы среди городского населения на уровне ниже 5%;

- продвижение политики реформ и открытости; развитие инновационной системы региона; завершение реформирования «старой промышленной базы»; повышение степени открытости прибрежных, приграничных районов и крупных городов региона; расширение внешней торговли; увеличение объемов иностранных инвестиций и повышение эффективности их использования [5, с. 377].

Подобный опыт Китая повышения роли в регионе СВА путем стимулирования развития внутренних регионов, выступающих, по сути, транснациональным коридором интеграции страны в СВА, может стать показательным для России.

Российский Дальний Восток и Восточная Сибирь являются частью СВА, но их геополитический и культурно-цивилизационный потенциалы развития и интегрирования в социокультурное пространство СВА используются сегодня не в полной мере. Сырьевое и инфраструктурное назначение российских восточных территорий остается основным фактором взаимодействия России в СВА. При этом стратегия включения России в СВА и реализация имеющихся возможностей должны базироваться не только на ресурсных, инфраструктурных и институциональных возможностях и намерениях самой России. Вхождение России своими восточными районами в субрегион СВА в значительной мере будет зависеть от того, каков будет статус России в этой новой субрегиональной интеграционной группировке. Россия должна стремиться к тому, чтобы быть не «третьей страной» для данной группировки, а полноправным субъектом интеграции в регионе. Только в последнем случае как Россия, так и страны СВА получают максимальный выигрыш. Следовательно, одной из важнейших задач для России является наиболее эффективное инкорпорирование её восточных регионов в социокультурное пространство СВА и реализация культурно-цивилизационного потенциала в регионе. Российская федеральная власть должна взять на себя функцию активного лоббирования включения восточных регионов РФ в СВА на основе трансформации концептуальных, институциональных и геополитических основ интеграции в данном направлении. Эта цивилизационная стратегия должна стать общей оболочкой для всех дипломатических, экономических и военных инициатив России как в Северо-Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Список литературы

1. **Абрамов В. А.** Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
2. **Дергачев В.** Геополитическая трансформация Северо-Восточной Азии // Вестник аналитики. 2010. № 1.
3. **Зеленев Е. И.** Концепция геокультурного пространства и поля в современной парадигме востоковедного научного знания. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 70 с.
4. **Изотов Д. А., Кравченко В. Е.** Северо-Восток Китая в условиях реализации плана возрождения экономики // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 140-158.
5. **Кучинская Т. Н.** Стратегия развития Северо-Восточного региона КНР в условиях межрегионального взаимодействия с РФ // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: материалы III междунар. науч.-практич. конф. (г. Москва, 11-12 ноября 2010 г.). М.: РУДН, 2010. Ч. 2. С. 373-385.
6. **Ларин В. Л.** Проблемы политического доверия и обеспечение безопасности Северо-Восточной Азии: международная научная конференция // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 173-177.
7. **Лузянин С.** Внешняя политика Китая в «ближнем круге». Модель - 2010 // Обозреватель. 2011. № 5. С. 65-78.
8. **Лукин А.** Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Международные процессы. 2010. № 1 (22).
9. **Минакир П. А.** Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5-20.
10. **Мотрич Е. Л.** III форум регионального сотрудничества и развития стран Северо-Восточной Азии // Пространственная экономика. 2010. № 3. С. 177-182.
11. **Юрковский А. В.** Северо-Восточная Азия: некоторые проблемы международных отношений // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1 (28). С. 74-78.
12. **Plan of Revitalizing Northeast China** [Электронный ресурс] / авт. пер. с англ. URL: http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-12/19/content_11981590.htm (дата обращения: 02.05.2011).
13. **Wallerstein I.** Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge University Press, 1991.

RUSSIA AND CHINA IN NORTH-EAST ASIA SOCIAL-CULTURAL SPACE

Tat'yana Nikolaevna Kuchinskaya, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of Oriental Studies
Trans-Baikal State University
kuchinskaya_t@mail.ru

The author presents the main characteristics of North-East Asia (NEA) social-cultural space, analyzes the role of Russia and People's Republic of China in the region, and pays considerable attention to Chinese "soft power" as one of the mechanisms of effective integration into the social-cultural space of NEA, which is realized in practice through the intensive development of internal border regions of the North-East of People's Republic of China.

Key words and phrases: social-cultural space; North-East Asia (NEA); North-Eastern region of People's Republic of China; eastern border regions of the Russian Federation.